

Действующие лица

Катя — 30 лет

Иришка Мужской голос (курьер) Женский голос (баб-Варя) Голос (продавец консультант) Голос 2 (продавец консультант) Звонки:

Мама Миша Коля

Склад мебели. Посреди склада лежат несколько табуреток в разобранном виде. В коридоре слышны шаги, будто кто-то поднимается по лестнице.

Мужской голос: Позвольте вам помочь!

Женский голос: Да, что вы! Не надо! Я сама!

Мужской голос: Давайте я, он же тяжёлый!

Женский голос: Ничего, я привычная!

Мужской голос: Не понимаю, чего вы отказываетесь от помощи, я как-никак, мужчина!

Женский голос: Ладно, несите!

Мужской голос: Сразу бы так! Ай! (*Грохот*)

Женский голос: Эх вы, как-никак, дайте сюда, я сама донесу. Тут у нас ступеньки крутые. Ещё убьётесь у нас здесь. Не ушиблись?

Мужской голос: Нет. Все в порядке.

Женский голос: Сколько я вам должна за доставку?

Мужской голос: Нисколько. Все включено в стоимость стула.

Женский голос: Подержите дверь... так... спасибо, дальше я сама.

Мужской голос: Да не за что. Хорошего дня!

Женский голос: И вам! До свидания!

Слышны быстрые удаляющиеся шаги.

Женщина, внешность которой можно охарактеризовать, как «среднестатистическая», вытаскивает на середину склада антикварный стул в упаковке.

Катя: Вот он, мой драгоценный! *(Ставит стул впереди себя, отходит, любит им.)*

Прямо подгадали. Аккурат ко дню рождения привезли!!! А упаковка шуршит! Тебе, Иришка, должно понравиться! Слышишь: шур-шур-шур!

Гляди, Иришка, с пузырьками! Антистресс. Лопай — пока не лопнешь. Но мы его распаковывать не будем. Нет! Пусть полежит пока! *(Перетаскивает стул в дальний угол)*

Нет, кто бы мог подумать, что так удачно! Они когда вчера позвонили и сказали, что на границе застряли с растаможкой, я думала всё! Не будет праздника! Стул-то, антикварный! Из лондонского дворца! Это тебе не хухры-мухры, не табуретка какая-нибудь китайская! Это антикварный стул 17 века, на котором, возможно, сидела какая-нибудь задница фрейлиныбабушки Елизаветы. 200 косарей, прикинь, Иришка?! Михаил Саныч не поскупился выложить за это чудо на аукционе.

(Звонок телефона)

Добрый день, Екатерина Мебельный рай, слушаю вас! Мишка? Ты? А почему на этот номер? А, мобильный разрядился. А мой номер не помнишь... Понятно. Стул? Какой стул? Антикварный? Нет. Ещё не привезли. Я знаю, что конец рабочего дня, пятница и все такое. Что я могу поделывать? Эти козлы с растаможкой тянут. Ага. Звонила. Держу руку на пульсе!

Как только привезут, я тебя наберу! *(Кладёт трубку)*.

Слышала, Ирка, не помнит он. А я номер его наизусть помню. Восемь девятьсот двадцать семь четыре ноля сорок пять... Восемь девятьсот двадцать семь четыре ноля. Гадко мне, Ирка. Он с ней, с этой сукой белой. Да ещё с ее телефона звонит, видимо. Она за рулём. Музыка на всю. А она подпевает. И смеётся. Едут куда-то. Телефон он мой не помнит! И что мы именинники с ним в один день он тоже не помнит. Мог бы и вспомнить. С третьего класса знакомы, как-никак. Только этот стул его и интересуется... *(глядит стул)* ну, ничего, ничего...

А пока... *(Берет в руки табуретку и пилу, идёт в центр склада, где уже лежат разобранные предметы мебели)*

Ирка, смеяться будешь! Такое мне приснилось. Сказать кому — покрутят у виска, подумают, вот, бабеч переключило! А я и никому не скажу, тебе только. Ты у меня

единственная подружка, Ирина Васильевна! Ты секреты мои не выдашь. Уж, я-то, знаю! Представляешь, наднях мне приснилось, что я табуретка. Знаешь, сначала мне казалось, что я задыхаюсь. Ощущение, будто на меня что-то навалилось и давит, давит так. А я поделать с этим ничего не могу, набрала воздуха и стою. Четырьмя своими одеревенелыми ножками. Я прямо здесь и проснулась. Прямо на рабочем месте. Это видимо, потому что целый день вокруг одни стулья и табуретки... Боже мой! Ирка! Уже третий год работаю зав складом в этом Мебельном Аду. Как один день прошёл... Ты посмотри! Как ужасно отпиливаются эти ножки. Надо будет следующую молотком. А то, так мы с тобой до утра провозимся.

(Звонок)

Да, мамулечка, я поела! Спасибо! Да, я-то, как раз, помню, что у меня день рождение, а вот начальство мое не очень... нет, мам, пораньше не получится. Тут новую партию мебели привезли, я вот разбираюсь *(отрывает ножку с корнем)*. Шею стянуло? А ты от давления пила? Как не пила? Тогда срочно померяй давление и перезвони мне! *(Кладёт трубку)*

Так. Ещё три и первый комплект готов. У меня, Ирка, каждый вечер дурдом. Я уже привычная. То давление падает, то поднимается, то запор, то понос, то несварение, что поделать, семьдесят восемь лет.

Я тебе, кажется, про сон рассказывать начала. Ну, так вот, я проснулась, лежу, значит, среди накладных, щека в чернилах. И шевелиться не хочется. И думаю, до чего мне все деревянно. И слезы сами так кап, кап... прямо на бумаги. Рассматриваю свои руки. Одеревеневшие от труда. В мозолях. У этой суки, что к Мишке моему приходит, маникюр французский. Она стулья весь день не перетаскивает, это я, Ирка, у Мишки моего за грузчика. Моего. С чего это я, дура, решила, что он мой-то? Из-за того, что у нас было с ним пару раз тут на складе? Не в то время живем. Нынче секс не повод для любви. Это, как нужду справить. Я Мишке не дороже табуретки за 300 рублей. И то, если у неё сломается ножка, он за неё будет переживать, что не продаст. ПВА заклеит. А что делать, если у меня душа сломалась? Где мне найти клей-то, чтоб я снова, как после заводской сборки?

(Звонок)

Померила? Сколько? Сто семьдесят на сто? Ты лекарство выпей! Да и валидолчик под язык. Какой пирог? Мама! Зачем! Ну, я же сказала, что вечером торт к чаю куплю, ну, вот стоил этот пирог твоего здоровья! Ты что там, плачешь? Ну, не плачь мам! А то я сейчас с тобой заплачу! Ну, прости, не хотела! С вишней? Хорошо мам, постараюсь пораньше. Выпей лекарство! Ага... *(кладёт трубку)*.

Так и живём, Ирка. У меня ведь, кроме неё нет никого. Совсем-совсем никого.

И жизнь моя похожа на один сплошной день Сурка. Работа-дом, дом-работа. Как хомяк в колесе. Мотает, мотает, мотает. Дома валидол-корвалол-скорая помощь. Сюда приходишь — в «Мебельный Рай», вообще невыносимо. Все эти Мишкины кисюни-зайчики-малышки. Блядины эти крашенные. И опять — валидол-корвалол-блядины. А название то, какое идиотское: «Мебельный Рай». Правда, у тех, кому мы мебель поставляем, не лучше: «Тысяча и один стул», «Мир стула», «Двенадцать стульев», «Стул, стол энд ко». Не хватает только жидкого и твёрдого стула. Беспощадный русский нейминг.

Ладно, сейчас я соберусь, и возьмёмся за следующий гарнитур!

Я, Ирка, с утра на работу вставать не хочу. Так тошно мне. А потом говорю себе: «Ты не краля в брюликах, тебя за просто так никто кормить не будет. Вон, руки какие, хуже, чем ножки у вон того стула. А лицо? Морщины на весь лоб. Да, Катенька, и одета ты как чмо. Вон эти брюки ты на распродаже 5 лет назад взяла, а кофточку эту затрапезную ещё тётя Ира подарила. Ушивать пришлось на размер. С такой обивкой, Катенька, на тебя никто не посмотрит. Тем более Мишка. Ты ж ему кто — экспресс любовница. То есть, когда продинамит его очередная баба с маникюром, он к тебе бежит по старой дружбе».

(Звонок)

Это ты? Нет, не привезли ещё! Да, звонила, таможду прошли. Едут уже. Ага. Да, как приедут, перезвоню. Ты телефон, смотрю, зарядил. Что говоришь, от поздравлений разрядился, понимаю. Да, наберу тебя, не беспокойся. Я знаю, что ты очень ждёшь. Ага. *(Кладёт трубку, берет два новых стула и ножницы. Кромсает обивку).*

А ведь всего то и надо было: один цветочек, хоть какой-нибудь. Один маленький цветочек.

Просто, чтобы формально даже. «Катюша, с днём рождения»! Маленькую розочку, разве это так сложно? Разве я ждала когда-нибудь чего-то большего, Миша?

Телефон от поздравлений разрядился, ну-ну! *(Молотком разбивает ножки).*

Ну, ты чего, Иришка?! Ты не пугайся. Я тебе там конфетку положила к чаю, ты угощайся. Ты конфетку, я конфетку. У нас праздник! День рождения меня и день рождения шефа.

(Берет конфеты, ест. Наливает в чайник воду. Включает чайник).

Знаешь, с каких это пор длится? Это в 8 классе было. Ребята собрались на дне рождения у нашей Лидочки, шалава та ещё была. Ещё в 7 классе слухи пошли, что

Лидочка уже того. Не девочка, значит. А я в 8 не то, что девочка, почти монашка была. Я тогда выпила лишнего. Ребята решили в бутылочку играть. А я Мишку этого с третьего класса люблю... а он меня, как друга. То есть, у него как очередная девочка появится, он со мной о ней говорит. А я так тупо улыбаюсь, типа «чё, дружбан, клевая телка! Все нормуль». А потом, едва живая, до дома дохожу и плачу, сползая по стенке. О том, что Лидка уже того, я, кстати, от него узнала...

А эта его, новая, похожа на Лидочку. Такая же белобрысая.

Ты кушай, кушай! Твои любимые, с цельным лесным орешком! И мои, кстати, тоже любимые. Видишь, сколько у нас с тобой общего. Так, я тебе про сон самого главного не дорассказала.

Мне Мишка тогда снился. Что он меня бережно на руки берет и через порог переносит, как невесту... а я такая счастливая!!! Он на меня смотрит с такой нежностью, с такой благодарностью, прям как после выпускного, когда он перебухал, а я ему всю ночь тазик подносила... и говорит: «Катенька, теперь это твой дом». На кухню меня несёт и за стол сажает... и я думаю о том, что, наконец-то он понял, что кроме меня, его никто так не полюбит больше, даже про детишек наших начала мечтать... мальчик. Лешенька, такой голубоглазый, как Мишка и девочка Наташенька, с Мишкиными ямочками на щеках... замечталась я, на него, на Мишку во сне глядя... а потом, все как в кошмаре. Заходит она. Белая эта. Он ее прямо при мне целует и за задницу берет. А я хочу помешать этому. Но я как будто бы онемела. Я говорю, а голоса нет, знаешь, как во сне бывает, я кричу, типа, что ж ты делаешь, Мишенька... и только воздух ртом ловлю. А звука нет, а он ее раздевает и на стол заваливает. А я уйти хочу, но меня и ноги не слушают. И вот они на столе любовью занимаются, прямо как мы тогда на складе, только он ее не просто хочет, он на неё с любовью смотрит. А я на них смотрю. И в этот момент мне захотелось умереть. Провалиться куда-нибудь. Только бы не быть на этой кухне. Только бы не видеть всего этого. Но тело меня не слушается.

И вот, они закончили... он закуривает, как обычно, и эта шлюха от его сигареты затягивается. И тут, они на меня смотрят... а у меня даже слез нет. Стою, как дура, и глаза в них вперила. Тут Мишка меня по спине хлопает и говоритэтой: «Вот видишь, Лидка, какая у меня хорошая табуретка!».

А я про себя думаю: «В смысле? Какая табуретка? Это же я, Катя!»

А он меня к себе подвигает и прямо в глаза мне смотрит: «Вон, какая хорошая! Двадцать лет служит».

И тут я с ужасом на себя смотрю и понимаю, что я не женщина. Я даже не человек. Я самая обыкновенная, стандартная табуретка. На меня что-то навалилось тяжелое... в глазах потемнело, и я проснулась...

Проснулась и думаю, что же это я делаю... мне ещё накладные проверить надо, слезами закапала цифры. Ещё заметит Мишка. И спрашивать начнёт, чё я тут

рыдала. Эта его дружеская забота хуже ненависти. Как ему объяснить, что секса по дружбе не бывает? Это как война во имя мира. Так... двенадцать венских... я ж ему, как мебель. Со мной удобно. А что может с мебелью случиться? Она ж деревянная, или того хуже из ДСП. Мебель она же не чувствует ничего.

Знаешь, Ирка, как по мне, так у вещей есть душа. Я этого раньше не понимала. Пока сама в вещь не превратилась. Ведь, что такое деревянная табуретка или там стул, пуфик какой-нибудь? Не сразу ведь ты стулом становишься... ты до этого был жёлудем дуба или семечком любого другого дерева, потом ты рос, солнышко тебя любило, ветер берег... и вот ты уже юное деревце, вот первые листочки показали липкие такие, и с таким запахом, таким знаешь, особенным... запахом начала. Так пахнут молодые побеги, так пахнут младенцы... потом ты матереешь. Наматываешь кольцо за кольцом. Покрываешься корой. Тебя уже не перекусишь. На твоих ветках птицы вьют гнёзда, по тебе бегают белки... ты живешь и дышишь, даришь людям тень и кислород... а потом приходит мужик с пилой «Дружба» и делает из тебя дубовый гарнитур. А в земле остаются твои корни... про которые, будучи шкафом, хочешь, не хочешь, а начнёшь забывать.

Я помню наш первый поцелуй. Отчетливее, чем вот это всё, что было между нами на складе. Помню, потому что не целовалась я никогда до того ни с кем. Мы, значит, шампанское выпили, бутылочку эту дурацкую крутим, а я молюсь, хоть бы Мишка, хоть бы Мишка, хоть бы Мишка! Не может же быть все так несправедливо, чтобы Ваня. Ваню я терпеть не могла. От него воняло гнилой рыбой. При мысли о том, чтоб его поцеловать, меня затошнило. Я подумала, что его может целовать только девушка с насморком или такая же вонючка, как он. Видимо, бог меня услышал. Миша. Помню, как он меня за руку берет и говорит: «Ну что, малая, идём целоваться». И мы, как идиоты, за занавесочку идём. Он меня приобнял и говорит: «Че, по-взрослому или как»? А я ему такая: «Или как» это как?»

— «По-взрослому, это с языком, а „или как“ — это в щечку».

А я чувствую, как у меня уши краснеют, замаялась и думаю. Вот скажу «по-взрослому», он подумает, что я проститутка какая-то. А «или как» мне не хотелось. Я ему сказала: «По-взрослому целуй». Пусть думает, что хочет. Он заржал и говорит: «Ну, ты, малая, прям горячая штучка», — и поцеловал.

(Стук в дверь)

Это еще кто? Если это Мишка приехал, всему конец!

(Стук повторяется).

Вот, черт! Ирка, что делать будем?

Женский голос: Катя! Ты там?

Катя: Ирка, пронесло. Это баба Варя, уборщица. Сейчас отсидимся, сама уйдёт.

Женский голос: Катя!

(Стук сильнее)

Катя: Вот, старая кашолка, нейметя ей убирать.

(Стук в дверь)

Катя: Чего доброго, сейчас спустится к сторожу за ключами, его на месте нет. И меня нет. Начнёт звонить Мишке. Тот неладное почует и приедет.

(Стук)

Катя: Иду, баб-Варь, иду!

(Разговор в коридоре. Катя старается не пропустить на склад Бабу Варю).

Женский голос: Ты чего заперлась, не открываешь?

Катя: А я документы сверяла, музыку в наушниках включила, чтоб повеселее было. День рождение, как-никак!

Женский голос: День рождение! Поздравляю! В один день с главным, это вы умудрились.

Катя: Ага, в один день, в одном классе.

Женский голос: Так, чего ж ты на работе тогда? Мог бы и отгул дать, раз в один день, да в одном классе.

Катя: Так-то оно, так. Только не помнит он про один день. И класс у нас уже давно разный. Он в бизнесе, я в экономе.

Женский голос: А ты не расстраивайся, поди, лучше в экономе. У них будни от праздников не отличаются. Денег полно, каждый день праздник. Это же надоестжить, каждый день праздновать. А у нас все проще. Зубную щетку, трусы новые купил — радуешься. Кусок свежего хлеба посолишь, в масло подсолнечное макнёшь — ох, какой деликатес получается. Вкуснее чем красная икра. Или воздухом летом после дождя подышишь, свежим. Так хорошо на душе становится — красота. А они, в этом бизнесе, разве это понимают, разве чувствуют? У них все

Шанелью пахнет, даже их дерьмо. Так, я с тобой заболталась. Я убирать пришла, а ты меня на пороге держишь.

Катя: Баб-Варь, тут такое дело, не одна я.

Женский голос: А с кем?! Неужели с мужчиной!

Катя: С мужчиной. Но мы ничего, не подумайте! Чай пьём.

Женский голос: Да что я, разве не понимаю, я тоже молодая была, лет сто пятьдесят назад! А хоть красивый, хоть глазком глянуть!

Катя: Красивый, баб-Варь, но очень стеснительный!

Женский голос: Тоже мне! Стеснительный! Был у меня один такой, стеснительный! Все боялся со мной в люди выходить, мол, пусть нашему счастью не завидуют. И пирожки мои лопал. Очень ему с картошкой нравились. А потом оказалось женат, и детей двоих настрогать успел. Боялся, чтоб до жены не дошло. А я как узнала, так его качалкой отлупила, чтоб все пирожки обратно повылезли.

Катя: Нет, мой не женат. И пирожки я не пеку.

Женский голос: А он думаешь, так тебе и скажет! Любой здоровый мужик периодически не женат! А пирожки — зря! Мужик зверь прожорливый. Ладно, девка, твоё дело! Женат, не женат, всё лучше, чем одной праздновать.

Катя: Я сама пол помою!

Женский голос: Да оставь ты! Мало, что, на день рождение на работе торчишь, так ещё пол мыть собралась. Ты иди к своему скромному неженатому красавчику. Я в понедельник пораньше приду. Уберу здесь! И рецепт принесу. Женатый — не женатый, пожрать они все любят.

Катя: Спасибо, баб-Варечка!

Женский голос: Да, пожалуйста! С днём рождения! Сколько тебе хоть исполнилось?

Катя: Два раза по пятнадцать.

Женский голос: Желаю отметить два раза по пятьдесят! (*Уходит*).

Катя: Спасибо! Ушла, слава Богу. Поверила, что я мужика привела. Значит, не все со мной ещё так плохо, раз верят. Значит, гипотетически, могу. Нет, ну а че? Чем это я Мишки хуже?

Вчера они на машине приехали сюда. Вместе. На её машине. Красная такая иномарка. Я задержалась на складе, накануне новую партию привезли. Слышу только, что машина подъехала. В окно смотрю, они в обнимочку идут, у неё в руках букет красных роз, а он шампанское с тортом несет — стандартный секс набор. Стою я, за занавеску спряталась. Пылью дышу. И слезы к горлу подступают. А я зубы сжала, вот только бы не разреветься. Только бы не выдать себя. Я решила, пусть они пройдут через мой отдел, и к себе он ее проводит на второй этаж, а там я тихо уйду. Не тут-то было. Он сразу, как зашёл, меня спалил. Говорит: «Катюша, что это ты там прядешься?» — а я вылезла из-за занавески и говорю: «Я, Михаил Саныч цветы поливаю». А сама едва дышу. Думаю, ещё слово и у меня истерика начнётся. А эта сука белая улыбается так тошнотворно-приветливо и протягивает своё «здрасьте». А я ей в ответ тоже «здрасьте», а сама думаю, вот схвачу ее за волосы сейчас и мордой покрашенной об косяк! Так, чтоб на косяке зазубрины сделались от ее зубов, чтоб ресницы накладные приклеились на двери! И тоже мило улыбаюсь.

Он говорит: «Знакомься, Катя, это Нэлли, мой партнёр... по бизнесу. Я должен ее ознакомить с нашим ассортиментом». Я киваю: «Хорошо, Михал Саныч». Они поднимаются на второй этаж, и вот за ними закрывается дверь. С ассортиментом значит... а что у тебя, Мишенька в ассортименте? Бывшая жена с двумя детьми, на которых ты алименты не платишь вовремя? Твоя залысина на башке? В твои тридцать лет? Или то, что ты бухаешь по выходным так, что утром в понедельник до обеда «на важной встрече»? Или твои двенадцать сантиметров счастья? Что у тебя ещё в ассортименте кроме этого вонючего склада со стульями и меня, которая такая же мебель, только по накладным не числится? Что ты ей покажешь? Что?

Я не помню, как вышла со склада. Когда я очнулась от этого кошмара, я была на мосту в нашем парке местном, по пути домой. Я шла по мосту и под ноги не глядела. Вперилась вдаль и тащусь, как наркоманка с бесцельным взглядом. А я ведь не всегда такой была. После школы, Мишка в армию ушёл. И его ждали аж три девочки. Естественно, каждая думала, что единственная. И только я знала правду. Я же друг... когда он служить ушёл, я решила уехать в другой город из нашего захолустья. Поступила в ВУЗ, на дизайнера интерьеров. Я рисовала хорошо, а больше ничего особенно не умела, вот и поступила.

(Звонок)

Здравствуйте. Спасибо *(Катя не узнает, с кем она разговаривает)*. Спасибо, а это кто? Ты... спасибо Коля. Не узнала, богатым будешь... Все хорошо. Ты как? Тоже нормально. Я рада. До свидания...

Муж мой звонил... помнит дату ещё. Два года не звонил, а теперь позвонил...

Да, Ирка, у меня были мужчины. Я же не полоумная какая, чтоб по первой любви вечность страдать. Но все было мне безвкусно. Мужики все эти на одно лицо для меня были. Даже муж мой. Я была за Колей замужем пять лет. Не то, чтобы я его любила, просто он мне был не так противен поначалу, и я хотела, действительно хотела, чтобы у нас все было, как у людей. Но не вышло нихрена.

Знаешь, каково это, спать с нелюбимым... когда чужие руки, которые ты пытаешься назвать своими, трогают тебя... Это, когда нелюбимые губы целуют тебя и тебе кажется, что у тебя все лицо и тело мокрое и противно тебе, будто по тебе слизняк прополз... это, когда все тебя в нем раздражает, и во время секса ты думаешь, только бы он быстрее кончил — и в душ! Скорее в душ, отмываться. Я из душа часами не выходила. Мне казалось, что я грязная. Я могла душ по четыре раза в день принимать. Мне все казалось, что я им пахну. Это же наоборот, приятным должно быть — пахнуть любимым, а не так, как у нас было с Колей. Он чувствовал это, понимал. Он все эти годы чувствовал, что я его не люблю. Сначала пить начал, потом даже ударил меня один раз. Он кричал: «Неужели, Катя, я тебе так противен? Что ж ты живёшь со мной? Ты же, сука, когда спишь со мной, с таким видом это делаешь, будто в жертву себя приносишь! А я не хочу жертв! Мне не нужна чертовая мученица! Мне женщина нужна, которая бы меня любила! Люби-ла!» — и по лицу меня наотмашь. Я упала на пол. Я не обвиняла его ни в чем. Когда он меня ударил, он был прав. Все пять лет, я занимала место рядом с ним. Быть может, если бы меня не было, он бы уже давно встретил женщину, которая бы дала бы ему столько любви, сколько он заслуживал. Когда он меня на полу увидел, он за голову схватился, кинулся ко мне с криками: «Катенька прости!» — и стал мои ноги целовать. А я к нему подвинулась и тихим голосом сказала: «Все ты правильно сделал, я, может, даже большего заслуживаю». Потом я собрала свои вещи и вернулась домой. Два года назад нас развели.

(Стук в дверь)

Да что ж это такое!

Женский голос: Катюша, это я опять!

Катя: Что ж ей все нейметя! Что баб-Варь?

Женский голос: Я особо не отвлеку! На! Я, вот, тебе рецепт пирожков записала! А то я ж склерозная, до понедельника забуду!

Катя: Спасибо, баб-Варечка!

Женский голос: Накормишь своего стеснительного! Ну, я, это — пошла!

Катя: Ага.

Женский голос: Ага... ещё раз, с днём рождения!!!

Катя: Спасибо.

Видала! От любопытства умирает, что за мужика я сюда привела. Прямо, не может. Еле сдержала. Стоит в дверях и все норовит голову просунуть на склад.

(Стук в дверь)

Да, что ж это такое! Это уже переходит все возможные границы!!! Я ж с мужчиной, как-никак, или с кем?!

(Подходит к дверям, открывает)

Баб-Варечка! Я, конечно, все понимаю, но я... здравствуйте, а вы кто?

Голос: Добрый день! Мы представители косметической компании Флэйм, хотели бы продемонстрировать вам наш новый продукт — матирующую пудру Гламур Флэш Бьюти!

Катя: Спасибо, мне ничего не надо!

Голос 2: Давайте я вам продемонстрирую!

Катя: Вы что делаете, зачем вы мне руку этим намазали?

Голос: Мы просто демонстрируем и уйдём! Эта натуральная пудра, которая не содержит парабенов! Где вы такую найдёте?

Голос 2: Или вы не хотите пользоваться хорошей косметикой?

Катя: Кто вас сюда пустил! Я сейчас охрану вызову!

Голос: Женщина, что вы так кричите, подумаешь, руку ей напудрили!

Катя: А я не хочу, чтобы мне пудрили ни руку, ни ногу, ни мозги!

Голос 2: Идём отсюда, она какая-то ебанько.

Катя: Сам ты, ебанько! И пудра ваша — гавно китайское.

Голос: Вообще-то, производитель — Польша!

Катя: Ну, Польское гавно, подумаешь, с географией ошиблась! До свидания!

(Уходят)

Сторожа-то, я ещё в обед отпустила. Вот и ходят теперь тут всякие. Но, это нам даже на руку...

Нет! Вот гады! «А вы не хотите пользоваться хорошей косметикой», будто я лицо сметаной выбелила, щеки свеклой натерла и стою, такая, вторую бровь заканчиваю углём подводить! И тут они — спасители моей красоты явились!

А, между прочим, у меня тоналка Ив Сен Лоран! Я ее год назад купила по скидке, для особых случаев, типа сегодняшнего.

Правда, на мне, что Лоран, что не Лоран — разницы нет. Красивее я от этого не стану.

Есть бабы, их хоть в мешок одень, и лицо голубиным помётом намажь — красотки. А есть я.

(Звонок)

Але, да, Миша. Нет, ещё везут. Что? Я тебя плохо слышу. Ты где? А, в ресторане! Горячее? Понятно! Конечно, сразу наберу! Хорошо отпраздновать! *(Кладёт трубку)*.

В ресторане они. Весело им. Закуски сожрали, горячее ждут. Ну, будет тебе, Мишенька, горячее! Горячее некуда!

Противно как, Ирка... Почему одним все, а другим — дырка от бублика?! Чем она лучше меня? Ее отмой, перекрась в натуральный, шмотки эти дорогие сними — обычная мымра.

Я ее вчера вблизи видела. Ничего в ней особенного нет. Только таких, как она, цветами заваливают и про день рождение не забывают.

Знаешь, Ирка, я, когда вчера отсюда сбежала, мне же сдохнуть хотелось. Реально сдохнуть. Я на мосту остановилась у бортика. Смотрю на воду и думаю: «Че будет, если я вниз прыгну?» — Я себе представила, как туда падаю, и меня уносит течение. А потом меня вылавливают рыбаки среди этикеток от пепси, пакетов с мусором и использованных шприцов с гандонами. Потом мое распухшее тело запихнут туда,

куда следует, и дальше по обряду. А после, на поминках, Мишенька будет речь толкать, что, мол, бедная Катенька, верный, друг, товарищ, единомышленник, безвременно почил в 30 годиков, утонув в реке. Бедная, бедная Катенька. Может, даже слезу пустит, а потом вечером и не вспомнит обо мне, занимаясь ознакомлением с ассортиментом очередного делового партнёра. Нет, думаю я. Хрен вам моржовый! Как представила себе скорбную мину Мишеньки на моих похоронах, сразу жить захотелось.

Я домой пришла, а по всей квартире корвалолом пахнет. Маме опять плохо вечером было. Думала зайти к ней, а она спит уже. И хорошо, думаю, что спит. Мне так фигово было... я в своей комнате заперлась, и решила напиться. Я думала стол сегодня на работе сделать, коньяка бутылку ещё неделю назад купила. Открыла коньяк. И не закусывая, из горла. Пока не напилась. Нет, я не напилась, а именно ужралась. Телек включила. Я его не смотрю, там одна политика и фильмы про убийства. И то, и другое постановочное. В общем, я телек включаю, чтоб создавалось ощущение, что кто-то рядом разговаривает. Типа, не совсем мне одиноко. А там какая-то передача про Исландию. И так красиво все, прямо волшебно. Я подумала, до чего было бы хорошо туда поехать. Там такие, прям, ледники, и пустынно так... и людей мало на квадратный метр. По мне, так, когда людей мало, это самое то! Нахрена, вообще люди на планете? Глобальное потепление, загрязнение воздуха, все из-за них! Из-за них планета гибнет! Я выпила ещё. Коньяк, кажется, и водку я пила. Все, что купила для дня рождения. Пошёл этот Миша к черту! Перекрашусь в рыжий и уеду в Рейкьявик! Тут я поняла, что это и есть решение моих проблем! Мне срочно нужно в Исландию! Я достала кошелёк и начала считать, хватит ли мне туда улететь. Но в кошельке осталось сто рублей. Буду копить на поездку в Исландию. Нет, ну а чё? Должна же быть у человека мечта. Так-то, потратила бы на сосиски, а тут целая Исландия... сижу, реву, деньги в шкатулку бережно перекладываю. Вот соседка баба Люба на похороны копит, а я на Исландию. Уже оптимистичнее. Смотрю, по телику уже нету голубой лагуны с термальными водами, идёт слезливый дамский сериал, где все друг от друга беременны, даже мужики, по-моему. Думаю, ну, нахрен, такое.

Телек вырубил. Сижу пьяная. На полу. В руках шкатулка. В шкатулке сто рублей на Исландию.

Тут у меня телефон звонит, Мишин номер. Я поднимаю, а он говорит: «Кисюнь, ты у меня в прошлую пятницу забыла свои кружевные трусики».

А я ему такая: «Нихрена я у тебя не забывала в прошлую пятницу». — Он в ответ: «Ой, это ты Катя... прости, я не тебе... прости, как дела?». — А я ничего умнее не смогла ответить, кроме: «пока не родила» и трубку бросила.

А потом сижу и думаю. Он же мой работодатель... уволит ещё... я ж, когда в город вернулась, работу долго найти не могла. Кому здесь у нас нужен дизайнер

интерьеров? А жить надо было на что-то. Мы с Мишей случайно встретились. В магазине на кассе. Он, когда меня увидел, будто бы обрадовался! Даже за мой хлеб с молоком заплатил. А меня, как током прошибло... будто бы и не было тех лет разлуки... Все во мне перевернулось. Он на меня посмотрел, улыбнулся, и я поняла, что все эти годы принадлежала ему.

Он предложил мне работу у себя на складе. Я согласилась. Это ужасное чувство, когда ты принадлежишь человеку. А ему на тебя насрать. Ты день и ночь ведёшь с ним внутренние диалоги, ворочаешься по ночам и мечтаешь, как было бы все по-другому.

Все. Первый слой твоего праздничного торта, Мишенька, готов. Теперь осталась вишенка за 200 тысяч.

(Берет стул, ставит его впереди обломков мебели)

Я буду делать это медленно. *(Отрывает часть упаковки)*. Как ты тогда, в первый раз. Помнишь, что ты мне на ушко шептал? Помнишь, нет? А я все помню... А, как одежду с меня срывал, помнишь? Вот так! *(Обрывает всю обертку)*.

(Берет в руки топор)

И так, антикварный стул семнадцатого века стоимостью в 200 тысяч!

(Ударяет.) Ой, теперь уже 150 тысяч! Так бывает в жизни. Всё обесценивается. И все обесцениваются. Каждый из нас имеет свою цену. И срок годности. Все мы — вещи в руках у любимых.

(Ударяет.) Ещё минус пятьдесят! Какая жалость! Теперь уже и не восстановишь! А какая прекрасная выделка была! А дерево, особо ценной породы! А теперь что? Щепки!

(Ударяет.) Так! Минус сто тысяч! Беспрецедентная акция от «Мебельного Рая» лондонский антиквариат по цене отечественного! Кому нужны антикварные дрова? Обращайтесь!!!

(Удар) Это тебе за Кисуню, которая у тебя забыла трусы! Минус десять тысяч! А это тебе за меня, чтобы ты помнил, когда у меня день рождения! Минус десять тысяч! И ещё! За все поцелуи! За все ночи! Получи! Получи! *(Рубит стул в щепки)*.

Смотри, Иришка! Как замечательно получилось!!! Мне кажется, он просто идеально вписывается и по стилю и по случаю!

Нет. Он мне никогда не говорил, что любит. Но он знал, что я его люблю. Он этим пользовался. Он пользовался тем, что я от него завишу.

Это ещё не все... ещё немного! Какой праздник без фейерверка (*обливает бензиномполучившиеся дрова.*) Мишка любит все яркое. Этот праздник он запомнит надолго. Ему ж на людей плевать и на тебя плевать. Для него только этот бизнес его паршивый имеет значение. Иди сюда, моя дорогая! (*Берет в руки мышку Иришку*). Ты же такая же, как я. Стойкая. Помнишь, как мы с тобой познакомились, Ирина Васильевна, Ирочка, Иришка? Он для тебя мышеловку купил. Вечером поставил. А я утром прихожу, а ты в ней застряла. Лапу тебе прищемило. А ты зубы стиснула, смотришь на меня молча. И к любому повороту готова. Я тебя отпустила, а ты не ушла. Я тебя Ириной Васильевной назвала. В честь учительницы моей первой по ИЗО. В первом классе. Ирочка, Иришка... Ты подружка моя единственная, верная! Я тебя домой к себе заберу. И будем мы там жить — ты, я, да мама моя. А потом, мы все втроём уедем далеко-далеко, в Исландию! А они не докажут ничего. Внезапное возгорание. Я же знаю, что помещение пожароопасное, что Мишка откаты большие пожарникам платит. Я это все предусмотрела. Да и камер здесь нет. Он зажал деньги на это. А сторожа я отпустила. Водки бутылку дала ему. В честь праздника... Полезай-ка ко мне в сумку! Ну что ж!..

(Звонит Мише)

Миша, привет! Стул привезли! Довезли хорошо — ни царапины! С днём рождения тебя, Миша, ещё раз!

(Кладёт трубку)

И меня, с днём рождения! Больше никогда я не буду твоей табуреткой! Я живой человек! Я не табуретка!

(Берет сумку, направляется к выходу)

Остаётся зажечь свечки на праздничном торте и загадать желание!

Чиркает спичкой. Свет гаснет.

(Конец)